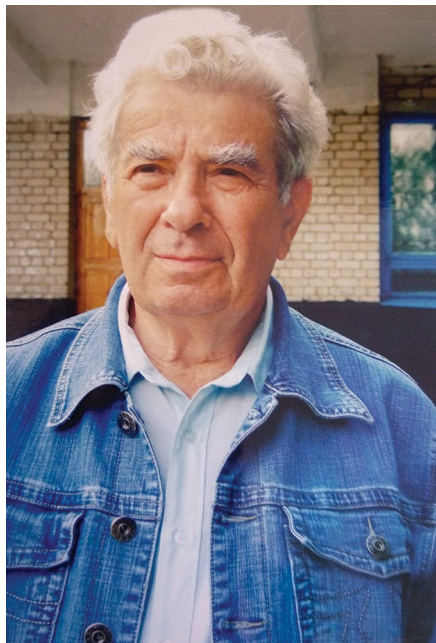

НЕ ПОЛЕ ПЕРЕЙТИ

текст Иосиф Брумин

«Нет иного блага для человека, как есть, пить и улаждать душу свою от труда своего»

Лион Фейхтвангер, «Сыновья», 1935

22 июня 1941 года – самый трагический день в истории нашего Отечества. Впервые немцы бомбили мой родной город Витебск 24 июня. 3 июля нас эвакуировали – так тогда называлось бегство. Эшелон был предназначен для семей железнодорожников. Мы выехали без отца. Из рабочих сформировали бригады по восстановлению разбитых бомбёжкой путей. Нас вывезли в городок Оренбургской области (тогда Чкаловской) и оставили без малейшей заботы властей о работе взрослым, о жилье, питании, лечении. Витебские железнодорожники приехали через пару месяцев организованно, и их назначили в соседний городок в вагонное депо на строительство бронепоезда. Отец перевёз нас, и как только закончились работы по бронепоезду, всех приезжих призвали на войну. Отец оказался на Калининском фронте под Ржевом. Когда его призывали, мама уже болела тифом, и её увезли в «тифозный барак» за городом. Для военкомата это не имело ни малейшего значения. Мы, двое мальчишек 11 и 6 (братишка) лет, остались одни на своих жалких пожитках в углу чужого дома. На всю жизнь запомнился ужас детского голодания, болезней, ненужности... Дети – смысл мирной жизни человека – превратились в обузу...

В Витебске я успешно закончил три класса белорусской школы. В эвакуации школы были с переполненными классами по три-четыре ученика за партой. Не было книг, тетрадей и других школьных принадлежностей. Чванливые мальчишки из западных областей изморождали школьную дисциплину. Драки и национальная неприязнь стали обыкновением. Измотанным учителям с нами было тяжело. Меня учительница ненавидела за «белорусизмы» в моей речи. Впрочем, и

других тоже... После милой учительницы в Белоруссии это казалось школьным адом. Мне, как и многим другим, формально зачли 4 и 5 классы, которые иногда посещал. Основной заботой была больная мама. На горчичники ей израсходовал все свои школьные бумаги: тетради и книги. Я с нетерпением ждал своего 14-летия. В 14 принимали на работу. С радостью оставил ненавистную школу в шестом классе. Для верности продал учебники на базаре и пошёл работать учеником машиниста дизельной электростанции. Мог ли я себе представить, что этим определил свою судьбу на всю жизнь? Из забитого и униженного, чахлого и оборванного мальчугана вырос технарё со всем обильным содержанием этого призвания. Да простится мне подобная дерзость в самооценке... Но именно этим «улаждаю душу свою от труда своего» вот уже 77 лет.

Накануне призыва на военную службу я стал опытным машинистом старинных гигантских дизелей, слесарем высокой квалификации, умельцем работы на металлообрабатывающих станках. Такой оказалась школа, где учителями были опытные рабочие, приветливые и по-отцовски заботливые люди. Стать с ними вровень ощущалось как счастье. Я не заметил, как утерял чувство юности и стал мужчиной, точнее мужиком.

ОДНАКО...

На приёме в комсомол в горькоме я дал слово, что пойду учиться в школу рабочей молодёжи. Уже взрослый, 17 лет, только в шестой класс...

В двадцать лет меня призвали на военную службу. Призыв прервал учёбу в восьмом классе. Угодил на военно-морской флот. Тогда срок службы был пять лет. Мне достался Тихоокеанский флот (ТОФ). Призывные комиссии учитывали гражданский опыт призывников. Меня направили в школу мотористов флота, а после её окончания – в дивизию торпедных катеров. Четыре флотских кампании я провёл в моторном отсеке боевого корабля. Прошёл естественный путь матроса срочной службы: моторист, командир отделения мотористов, старшина группы, фактически, как в гражданском флоте, механик корабля. После дряхлых, едва живых дизелей на гражданке мне достались современные, сверхсекретные дизеля М-50, мощностью в 1000 л.с. каждый. В 1954 году я первый в дивизии сдал экзамен на моториста первого класса. До этого он был доступен только сверхсрочникам. Политуправление дивизии по этому поводу издало скромную листовку «Моторист первого класса» с моей физиономией. ЦК ВЛКСМ наградил меня грамотой как успешного секретаря комсомольского бюро дивизиона торпедных катеров.

Есть старая, как море, флотская убежденность: «Моряки бывшими не бывают». Военно-морской флот страны был великолепным университетом становления мужчины из разболтанного, иногда вороватого, выросше-

го без отца мальчугана. Вот и я обязан ему всем, из чего состоит жизнь современного человека: физическим состоянием, жадным интересом ко всей многоликости своей профессии, увлечением мировой культурой и её пристальным вниманием к человеку. Личная библиотека с редкими книгами – бесценное богатство. Особо дорожу поэзией. За знание поэзии на память она щедро платит добротой. Это необходимо не только в содружестве любителей, но даже и на больничной койке, когда иное не идёт на ум... На педагогической конференции в вузе, как единственный технарё-докладчик, запустил формулу: «Молитва, научный доклад и стихи должны читаться только на память». В 70-80-е годы создал в вузе театральные лектории, многоликий и, по-своему, уникальный. Мы были самым театральным вузом области. Самарский Дом актёра стал нашим пристанищем. В планах нашей работы были обязательные посещения театров города или их выступление на сцене ДК вуза. Встречи с актёрами или режиссёрами до спектакля или после были захватывающе интересны. Пётр Монастырский, Михаил Лазарев, Вера Ершова, Николай Кузьмин, Марк Левянт и другие были близки, как коллеги своего факультета. Николай Кузьмин в юности служил на флоте и актёром в матросском театре. Когда мы разобрались с нашей принадлежностью ТОФ, он сразу

перешёл на обращение «братишка». Других «братишек» у нас не было. Дружеские отношения с Союзом театральных деятелей сблизили с другими творческими союзами города. Художественные выставки в ДК вуза и актовом зале средней школы, посещение музеев стали обязательными в жизни маленького посёлка. Для меня культурология, основы которой заложил на флоте, стала нормой жизни.

ОДНАКО...

Главное флотское наследство – межчеловеческие отношения. Единство судеб всех на корабле, от командира (капитана) и до последнего матросика со шваброй, формирует межчеловеческую спайку, дружбу в её высоком понимании. И на долгие годы, чаще – навсегда. В памяти и душе мои сослуживцы прошли со мной по жизни. Матросское обращение «братишка» бродит по всем флотам России.

Поздней осенью на тренировочных легководолазных спусках у меня отказал аппарат. Когда, не получая от меня сигнала по страховочному концу, стали принудительно поднимать, над водой показалась поникшая голова. Двое друзей, Коля Воронков и Саша Ипполитов, как стояли в одежде, кинулись в воду, подвели швартовый и скоро подняли на пирс. Коля, земляк и безграничный смельчак, сорвал с моего лица маску и дал первый глоток воздуха в новой жизни.

Наш катер в бухте «Золотой Рог» возле Владивостока напоролся на топляк и погнул винт. Началась активная вибрация. Вернулись к причалу, а водолазный ботик ушёл в район учения в море. Понимая безвыходность положения, я предложил свои водолазные услуги. Командиры посоветовались и дали согласие. Катер развернули кормой к берегу и поставили так, чтобы винт был на высоте груди водолаза. Я отказался от про-

резиненного комбинезона, надел брезентовую робу, аппаратуру и ушёл под воду. После даже недолгой работы с вибрирующим винтом все винтовые соединения легко отвернулись. Я быстро управился. Однако после сильного переохлаждения в осенней воде я не только потерял дар речи, но и владения собой. На берегу под пожарным краном друзья смывали с меня корабельный мазут. Подошёл комдив, капитан II ранга Иван Борисович Антонов, героический участник войны на Северном флоте. Он приказал – немедленно в кубрик, утеплить и, вопреки флотскому запрету командиру катера, дать кружку спирта с закуской, потом в койку под меховые бушлаты. Проснулся я в море: живой и радостно цветущий. Ещё не веря в своё оживление, кинулся к зеркалу. Через много лет нашёл телефон и сообщил командиру дивизиона о своём поступлении в аспирантуру. Он помнил, поздравил и благодарил за память. Командир катера уже служил в Генеральном штабе, был у меня на защите диссертации и утверждал, что он единственный командир корабля, чей матрос защищает диссертацию. Хотя это и вызвало ухмылку коллег...

На весенних шлюпочных гонках я впервые вышел старшиной команды. До этого три кампании грёб правым баковым веслом. Мы победили, и начальник штаба бригады, Герой Советского союза капитан II ранга Матвей Подымахин, вручил мне призовой пирог. Звание Героя ему присвоили за успешные десантные операции в Керчи и Новороссийске. В Новороссийске он без потерь высадив десант, а на отходе торпедой потопил немецкое десантное судно. Он – признанный освободитель Крыма и Севастополя. Прошли годы, и в Крымском мемориале на Сапун-горе я стоял возле имени на мраморной стеле Героя Матвея Прокопьевича Подымахина. Искренне благодарил судьбу за службу под его началом в бухте Разбойник на самом восточном краю нашей необъятной России.

Нет! Бывших моряков не бывает...

ОДНАКО...

Однажды я стал случайным собеседником заведующего кафедрой с заместителем главного редактора областной газеты о работе уборочно-транспортных звеньев. Я деликатно вступил в разговор и неожиданно захватил в нём первенство. Возможно потому, что занимался исследованиями и внедрением этой технологии. На научной конференции в научно-исследовательском институте, где создавалась новая технология уборки зерновых культур, мой доклад был признан лучшим, а куйбышевский областной опыт признан уникальным в СССР. Четверо наших земляков были удостоены почётных званий Героев социалистического труда (1978 год). Это первые секретари КПСС: Куйбышевского обкома В. Орлов, Кинельского райкома А. Щербинин и двое комбайнёров – А. Сычёв (Пестравский район) и А. Панарин (Большеглушицкий район). О подобном трудовом героизме сельских тружеников в других областях мне неизвестно. В конце беседы меня попросили написать статью о сущности новой технологии. На мою отговорку о неумении попросили привезти через три дня. Когда привёз, её, не читая, тут же отправили в набор. На моё удивление ответили примерно так: «Статья плохая, следующая будет лучше». И это простецкое замечание меня втянуло в журналистику. Профессиональный журналист-газетчик не промахнулся, с точностью снайпера он покорила меня. Для меня, вузовского педагога, материализация слова сказанного в слово написанное – акт волшебства.

С 1978 года колдую над листом белой бумаги. Около полутора сотен статей опубликовано в районных, областных, центральных изданиях и даже в газете ТОФ «Боевая вахта» (Владивосток). Есть и за рубежом. Около полусотни статей в интернет-изданиях с числом читателей пока более шести тысяч. Однако самый выразительный жест в моей журналистике принадлежит самарскому филиалу «Аргументы и Факты». В ноябре 2012 года я тяжело болел в кардиоцентре. Мне было запрещено даже поднимать голову над подушкой. Раздался телефонный звонок коллеги из вуза. Он, не зная, что я болен, радостно поздравляет... Оказывается, самарский филиал «АиФ» объявил конкурс на поиск легенд области. И провёл массовый опрос своих читателей. И в одной из номинаций я занял первое место.

Моя трудовая деятельность развернулась на просторах времён. Всё началось в 1945 году, когда на 15 году я впервые вышел на работу. Завершилась моим уходом в пенсионеры в 2012 году, на 83 году жизни. Примерно половину этого времени я отдал и журналистике. Охват моих интересов жадно-необъятный, и это вызвало желание собрать книгу. В 2011 году издал первую свою книгу под названием «Свидетель поколения». Название оказалось очень точным. К этому времени многие «свидетели» тех страшных времён ушли из жизни. И я был уверен, что те, кому выпало задержаться на дневной поверхности, должны поделиться СВИДЕТЕЛЬСТВАМИ.

В эти же годы власти надумали давать названия годам. Так 2015 год назвали Годом книги. Я рискнул откликнуться на призыв правительства и обратился к властям города Кинель с предложением издать на их средства мою новую книгу «Берега». В ней – о берегах пролива Босфор Восточный. На них с одной стороны стоит город Владивосток, а с другой – поселения острова Русский. На этих берегах мне довелось служить. И о берегах родных мне рек Самара и Большой Кинель. Их союз, слияние дали название моему посёлку – Усть-Кинельский. Администрация охотно согласилась.

В 2019 году мой родной вуз – Самарская сельскохозяйственная академия – отмечал своё столетие. В нём я проработал доцентом 44 года. Он не только дал мне образование инженера, подтвердив его дипломом, именно здесь я нашёл своё призвание, выковал мышление доцента и журналиста. К юбилею вуза написал и издал книгу «Волжская защепка», это было моим личным долгом. В центральной библиотеке города была организована её презентация. Редкая по своему великолепию. Название книги понятно потомственным жителям Самары. Оно отражает историю города, географию и характер автора.

К 2020 году готовилась вся страна. Знаменательный юбилей – 75-летие великой Победы в Великой Отечественной войне. Готовился и я. Меня ещё со времён войны не оставляла боль о детях военного времени. Им тяжелее всех. Самые незащищённые тела и души. Голод, болезни, обиды, нищета, отсутствие жилья, угроза сиротства, необратимая утрата будущего. Если бы взрослые помнили своё детство, они бы никогда не начинали воевать. Во мне залпом возникла идея десяти эссе о детских страданиях. Легко сложились названия эссе и планы их содержания... Мою книгу «Исповедь добровольца» издал декан родного инженерного факультета Сергей Машков (ныне ректор Самарского аграрного университета). Он собрал деньги на факультете и издал на народные средства. Когда в день моего 90-летия ректорат в полном составе пришёл поздравлять и вручил стопку ещё не виданных мною книг, я уткнулся в них лицом, спрятав свои сырые глаза. Книги бесплатно в до-

статке передал в школы и библиотеки города. Позже редакция газеты «Литературная Россия» объявила конкурс «Защитим правду о Победе!». Из своей книги «Исповедь добровольца» собрал статью «Дети без детства» и отправил в редакцию на конкурс. Статья заняла второе место в России, на бескрайних просторах от Калининграда и до Владивостока (см. «Литературная Россия». №48, 2020).

В 2018 году в Самарской области объявили акцию «Народное признание» с различными номинациями. Неожиданно местные организаторы в номинацию «Комсомол – моя судьба» выдвинули меня, и я победил на выборах. Вероятно, в округе не оказалось кандидата с более «крутым» комсомольским прошлым. Номинант получил комсомольскую премию и большую часть её израсходовал на издание книги «Волжская защепка». Сознаюсь, меня тешила уникальность ситуации для нашего времени: комсомольские деньги и книга.

В 2020 году в Кинельском городском конкурсе «Лидер года» я занял второе место в номинации «Доблесть и бескорыстие». Не знаю, почему организаторы выбрали мне такую номинацию. Ведь они судили по публикациям более двух десятков статей и двум книгам. Впрочем, если приглядеться, то выбор номинации не имеет значения. Главное – в одной из них присутствовать.

ОДНАКО...

Меня всегда смущала несовместимость двух моих далёких интересов: инженерно-технических и литературно-журналистских. И неожиданно нашёл совмещение. Администрация выделила клочок земли, и в 2017 году я возвёл на нём небольшое строение. В нём собрал в полном объёме печатные работы и частично технические творения. И, прежде всего, машину МОД-3 (машина огородника-дачника). Это гибрид мини-трактора и автомобиля. Она создавалась, в том числе, и как тема дипломного проекта сына. Я признаю его авторство больше своего. На неё получен патент на промышленный образец, который мы передали вузу. За сто лет его существования это первый и единственный патент подобного рода.

Друзья-посетители называют моё творение музеем. Я выбрал иное название – «Приют моей отрады». «Приют...» не только ласкает душу памятью о прошлом, но и дарит размышление, где и как разместить будущие работы. Дух добровольного и свободного от забот об угоднении кому бы то ни было журналиста держит меня на дневной поверхности планеты.

Первый поэт России XX века, Борис Пастернак, цикл «Стихи Юрия Живаго» начал «Гамлетом», самым глубоким и философским. А завершил его, не гнушаясь простонародным признанием – «Жизнь прожить – не поле перейти». Для меня, более сорока лет связанного с русским полем практикой и учебным лекционным курсом «Эксплуатация машинно-тракторного парка», это высшее признание. Поля родного Средневолжья изъезжены и изучены вдоль и поперёк вместе со всем, что на них воздвигнуто. Всё это – моя школа.

Жизнь – это школа. Школа – это учитель.

Каков учитель – таков ученик – такова и страна.

